

УДК 82-95

Н.С. ЛЕСКОВ И Б.М. КУСТОДИЕВ: ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕМЫ

ЕВДОКИМОВА Ольга Владимировна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

АННОТАЦИЯ. Автор статьи намечает дальнейшие перспективы изучения темы «Лесков и Кустодиев», обращаясь к кустодиевскому оформлению лесковских произведений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лесковско-кустодиевский творческий комплекс, образно-тематическая «каноничность», реальность и условность.

EVDOKIMOVA O.V.,

Dr. Philolog. Sci., Professor of Department of Russian Literature,
Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen

N.S. LESKOV AND B.M. KUSTODIEV: PROSPECTS THEMES

ABSTRACT. The author outlines the prospects for further study of the topic "Leskov and Kustodiev", referring to Kustodiev's design of Leskov's works.

KEY WORDS: leskov-kustodiev creative complex, imagery and thematic "canonicity", reality and convention.

Н а факт родственности литературного творчества Н.С. Лескова живописи Б.М. Кустодиева историки литературы и культуры обращали внимание не раз. Исходя из наглядного сходства творческих мотивов писателя и художника, известный коллекционер и издатель Ф.Ф. Нотгафт, в частности, побудил Кустодиева создать цикл графических иллюстраций к рассказу Лескова «Штопальщик». Над этой серией рисунков тушью Кустодиев работал в 1922 году, в том же году иллюстрированное издание рассказа было выпущено в свет издательством «Аквилон». В 1923 году художник заканчивает иллюстрировать – в аналогичной технике – другое лесковское произведение – очерк «Леди Макбет Мценского уезда». В 1925–1926 годах он работает над декорациями, эскизами костюмов, реkvизитом к спектаклям «Блоха» (МХТ-2, Большой драматический театр в Ленинграде) по пьесе Е. Замятина, в основу которой был положен сказ Лескова «Левша».

Этот большой лесковско-кустодиевский творческий комплекс пока не описан ни в целом, ни в пределах его отдельных слагаемых. Не вполне или не всегда ясно, например, какие сюжетные линии, эпизоды, персонажи, мотивы произведений Лескова выбраны Кустодиевым для иллюстрирования. Нет типологии иллюстраций. Говоря обобщенно, не изучена поэтика лесковско-кустодиевского текста, хотя есть ощущение его осуществившегося бытия в культуре.

Понятие «лесковско-кустодиевский текст», конечно, само по себе достаточно проблематично. При более широком взгляде на творчество Лескова и Кустодиева объем понятия едва ли можно ограничить лишь зримыми отражениями одного в другом. Устанавливая границы предмета, необходимо обратиться к творческим наследиям писателя и художника в их полноте. Но еще, может быть, более важной задачей в данном случае является установление оснований поэтики лесковско-кустодиевского текста.

Одним из таких оснований будет, бесспорно, образно-тематическая «каноничность». В дневниках биографа Кустодиева В.В. Воинова содержится характерная запись: «Б.М. показывал мне два альбома своих рисунков. Там есть проект картины: купец в шубе и шапке на фоне вывески. В ней, по моему замечанию, есть что-то от иконы. “Да, именно так, – подхватил Кустодиев, – купец этот уже ушел, его нет, но он как бы канонизирован, он уже вылитый образ, и нужна какая-то икона, канон этого быта и этого купца, в частности”» [1].

Не лишено значения, что слово «канон» в этом высказывании художника поставлено в один ряд с такими словами, как «икона», «вылитый образ», «быт», «купец», «вывеска». Ряд соединяет «икону» с повседневым обиходом, в конечном счете – сакральное с обыденным. Подобного рода сближения противоположностей между тем – характерная, множественно значимая и индивидуальная особенность творчества Лескова. В ракурсах этой поэтики изображается, к примеру, один из эпизодических персонажей маленького рассказа писателя «Штопальщик», прославленного иллюстрациями Кустодиева. «Я природный коренной москвич, из беднейшего звания, – повествует герой рассказа. – Дедушка наш у Рогожской заставы стелечки для древлестепенных староверов продавал. Отличный был старичок, как святой, – весь седенький, будто подлинный зайчик, а все до самой смерти своими трудами питался: купит, бывало, войлочек, нарежет его на кусочки по подошвке, а сам поет ласково: “Стелечки, стелечки, кому надо стелечки?”. Так, бывало, по всей Москве ходит, и на один грош у него всего товару, а кормится» [2].

«Каноничность» и у Кустодиева, и у Лескова определяется не-посредственным чувством традиции и традиционного, в том числе традиционного в человеке, а равно и точкой зрения, удаляющей изображаемое в прошлое, в лабиринты памяти, воображения, отчасти иллюзии. И писатель, и художник,

следует вспомнить, носили титул «бытописателей». Но относительно Лескова этот титул плохо согласовывался с такими формульными характеристиками, как «изограф», «вычурный», «эссенциальный». Кустодиев же не однажды утверждал, что он не пишет с натуры, что та жизнь, которая зрителю и критику кажется «действительной», существовала только в воображении художника: «Заговорили о натурализме. “Меня называют «натуралистом», – сказал Кустодиев, – какая глупость! Ведь мои картины сплошная иллюзия! Что такое картина вообще? Это – чудо! Это не более как холст и комбинация положенных на него красок. В сущности – ничего нет!”» [1, с. 264].

Углубление в тему «каноничности» неизбежно ставит нас перед вопросом о том, как, посредством каких художественных средств Лесков и Кустодиев добивались эффекта натуральности своих образов, впечатления «действительно бывшего», сопровождающего восприятие их произведений, шире – перед вопросом о принципах взаимосвязей реальности и условности.

Позволительно предположить, что в случае ответа на поставленные вопросы мы сможем более аргументированно интерпретировать лесковско-кустодиевский текст в свете таких понятий, как «стиль» или «стилизация».

Говоря об иллюстрациях Кустодиева к очерку Лескова «Леди Макбет Мценского уезда», Б.М. Эйхенбаум еще в 1930-м году задумался над вопросом о том, к кому, к писателю или художнику, отнести наименование «стилизатора», а к кому – «стилиста». В предисловии к изданию лесковского произведения ученый писал: «Естественно, что именно “лубочные” черты “Леди Макбет” привлекли внимание покойного Кустодиева как родственные его художественным тенденциям материал. Своими иллюстрациями Кустодиев ярко подчеркнул именно эти элементы очерка, сделав их еще более выпуклыми и прояснив их жанровое значение. Очерк Лескова на самом деле несколько разностильный, местами неуравновешенный, мозаичный и стилистически противоречивый, приобретает в интерпретации Кустодиева устойчивость единого и крепкого стиля, явно близкого к лубочному примитиву» [3]. На первый взгляд, все в этих выводах Б.М. Эйхенбаума прозрачно: стилизатор – Лесков, обладатель стиля – Кустодиев. Но, во-первых, в процессе аналитического всматривания обнаруживается стилистическая противоречивость и иллюстраций художника. Оба мастера оказались подвержены воздействию «литературных» (классических) традиций и сочетали их с тяготением к искусству примитива. Во-вторых, представление Эйхенбаума, усмотревшего в иллюстрациях Кустодиева «устойчивость единого и крепкого стиля, явно близкого к лубочному примитиву», определенно требует разъяснения, ес-

ли вспомнить о сложной взаимосвязи своего и чужого, «прямого», авторского, и условного в стилизации. Иначе говоря, не ясно, что же создал Кустодиев – «новый лубок» или стиль, пока не имеющий названия.

Размышления Эйхенбаума подчеркнули парадоксальный культурный феномен: единство стиля у Кустодиева образуется на путях стилизации. Об этом же феномене писал русский религиозный философ Вл. Ильин в работе «Стиль и стилизация. I. Лесков», отмечая, что есть эпохи, в которые «искание подлинного стиля и высококачественная стилизация (курсив автора. – О.Е.) часто идут рука об руку» [4].

Лесковско-кустодиевский текст в его своеобразии, а равно описание поэтики этого текста создают возможность установить приемы, формирующие стиль на путях стилизации.

Еще один культурный феномен – рассказывание – оказывается в центре внимания при обращении к лесковско-кустодиевскому тексту. В данном случае актуальны не только соотношения рассказа и изображения, литературности и рассказывания, но и, более широко, диалектика формы и смысла.

Кустодиев не соглашался с критическим мнением, согласно которому его произведения сюжетны, литературны, а настаивал, что у него преобладает рассказ – очень широко и глубоко. Рассказ – это то, что чувствует художник, рассказывать можно каждым мазком, каждой формой, рисунком. Рассказ в понимании Бориса Михайловича граничит с моим пониманием “композиции”» [6, с. 238].

Искусство рассказывания в произведениях Лескова тоже воплощается, прежде всего, в композиционной структуре рассказа, в приемах повествовательных построений.

Лесков и Кустодиев в равной мере боялись теоретиков, не любили теории, исходили из представлений о том, что искусство едино и не делится на частности направлений; их достаточно трудно охарактеризовать в границах художественных направлений. Лесков стоит близко и к психологическим, и к этнографическим исканиям русского реализма, не чужд и традициям русского общественного романа, но он неопределим в категориях этих литературных уклонов и тенденций. Кустодиева также невозможно назвать ни неореалистом, ни неопереводчиком, ни эстетом, несмотря на известную близость к эстетическим принципам, лежавшим в программных основаниях объединения художников «Мир искусства». Художник и писатель обладали той степенью исключительности, которая позволяла им быть включенными во множественные культурные ряды и оставаться при этом явлениями из ряда вон выходящими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Воинов В. Встречи и беседы с Кустодиевым // Б.М. Кустодиев. Письма. Статьи, заметки, интервью. Встречи и беседы с Кустодиевым. Воспоминания о художнике. – Л., 1967. – С. 208.
2. Лесков Н.С. Штопальщик // Собр. соч. : в 11 т. – М., 1958. – Т. 7. – С. 96–97.
3. Лесков Н.С. Леди Макбет Мценского уезда / Н.С. Лесков; предисл. Б.М. Эйхенбаума. – Л., 1930. – С. 8.
4. Ильин В. Стиль и стилизация. I. Лесков // Эссе о русской культуре / В. Ильин. – СПб., 1997. – С. 145.